

ПОЛЯКИ В СИБИРИ

УДК 94(47).081+94(57)+94(438)

К. КАРОЛЬЧАК

СИБИРЬ В ВОСПОМИНАНИЯХ ССЫЛЬНЫХ ПОЛЯКОВ*

д-р ист. наук, проф.,
Педагогический университет
им. Комиссии народного образования, г. Краков (Польша)

Рассматривается положение политических ссыльных – поляков в Сибири XIX в., в основном по их воспоминаниям. Анализируются факторы, влиявшие на отношение ссыльных к Сибири, прослеживается влияние их происхождения, профессии, семейного положения на образ жизни и взаимоотношения с местным населением. Особое внимание обращается на тех поляков, которые вернулись в Сибирь или остались здесь после отбытия наказания.

Ключевые слова: поляки в Сибири, мемуары, польская ссылка, национальная идентичность, коренное население.

Сибирь занимала и занимает особое место в национальной памяти поляков. Обычно она ассоциируется со страданием, нечеловеческими условиями жизни и тоской по родине. Тысячи польских ссыльных остались там навсегда. Вернувшиеся с каторги писали не только о боли и унижениях, которые пришлось испытать в ссылке, но и о повседневной жизни, обычаях, климате и природе сурового края. Воспоминания оставили как известные исследователи Б. Дыбовский, А. Чекановский или Я. Черский, но также и З. Одживольский, А. Розманит, Ш. Токажевский, Я. Гейштор, Я. Сивиньский, В. Ласоцкий, Э. Табеньская, Б. Шварц и др.

В сделанных ими записях приводятся имена многих поляков, описания их достижений, которые вызвали чувство гордости у товарищей по изгнанию. Осужденные, несмотря на страдания, участвовали в общественной деятельности, вписав прекрасные страницы в историю этого холодного края. Остались они и в сознании и культуре жителей Сибири. Среди поселенцев преобладали образованные, интеллигентные люди, благородного происхождения, а среди них много было очень талантливых, которые могли бы добиться успеха в любом обществе. Неудивительно, что они

были пионерами в научных исследованиях, внедряли технические новшества.

Неточность в списках, которые составляла царская администрация, привела к тому, что до сих пор продолжаются споры между исследователями, пытающимися установить точное количество поляков, подвергнутых репрессиям того времени. Э. Качиньска предполагает, что только после Январского восстания в Сибирь было сослано около 17 тыс. чел. [1, с. 67].

В течение XIX в. среди изгнанников преобладали представители привилегированных групп. После Январского восстания на поселение в окрестности Иркутска была направлена большая группа священников, уже отбывших наказание первой степени. В течение нескольких лет здесь находилось более 150 священнослужителей; некоторые из них написали воспоминания – Э. Новаковский, С. Матрась, Н. Кулашинский и др. Иллюстрированные описания Сибири издали Л. Немоевский, М. Грушецкий, красивые сибирские пейзажи писал С. Вронский, а польский еврей А. Сохачевский в течение двадцати лет каторжных работ сделал более 100 фотографий и эскизов, отражающих драму польских ссыльных в Сибири.

Часть воспоминаний (Э. Чапского, Я. Ёдловского, Э. Клеменевича, Ф. Левицкого, Э. Павловича и Л. Зелёнки) была опубликована во второй половине XIX в., главным образом в Галиции, другие – на рубеже XIX и XX вв., например, Л. Меньжинского. В последние годы благодаря А. Брюсу изданы малоизвестные до сих пор воспоминания женщин [2].

*Статья является сокращенным вариантом доклада, представленного на Международной конференции «Проблемы российской истории и культурный диалог» (Новосибирск, 23–24 апреля 2013 г.). Полный текст будет опубликован в сборнике материалов конференции. Там же будет приведен список использованных мемуаров польских ссыльных.

Написание мемуаров о пребывании в ссылке для многих осужденных было отчасти способом психического выживания в отдалении от родины. Депортации подвергались в основном молодые люди, для которых шоком являлся не только климат, но и культурные различия, с которыми они столкнулись. Частью «старого мира» оставались лишь сотоварищи по несчастью и польские книги. Осужденные, сознательно или бессознательно, пытались сохранить свою национальную идентичность при помощи записывания собственных впечатлений, что стимулировало их к рефлексии, приоткрывало процесс слияния с чужими обычаями, культурой, обществом. Чем больше была группа польских ссыльных, тем дольше они сохраняли свои обычаи. Создание герметичной среды осужденными уменьшало вероятность ассимиляции, которой они изначально опасались. Заключенные верили, что рано или поздно вернутся на родину.

Сразу после Ноябрьского восстания в Сибири – за границами польских земель и большой миграции – образовалось еще одно звено национальной жизни. В совершенно других условиях сформировались не встречавшиеся больше нигде формы жизни польских осужденных. Ссылных сближало общее горе, и это вызывало у них потребность взаимопомощи. Сильные помогали слабым, богатые поддерживали бедных, что было более заметным после восстания 1830 г., когда в Сибири оказалось много зажиточных ссыльных, даже из аристократии (например, князь Р. Сангушко, забитый о сотоварищах по несчастью). Ссылные старались поддерживать контакты друг с другом, несмотря на порой значительные расстояния, разделявшие их.

Товарищеская жизнь сосредоточивалась в домах, снимаемых женами и невестами, которые добровольно отправлялись в Сибирь и пытались здесь создать хотя бы что-то, напоминающее семейный очаг. Мемуарная литература вспоминает многих женщин, которые не только разделяли годы ссылки со своими избранниками, но и помогали другим выжить – К. Брынкову, И. Подлевскую, И. Жонжевскую или К. Венцовскую. Многолетняя ссылка далеко от родины беспокоила патристическую среду. Высказывались опасения, что самые яркие представители молодого поколения, лишённые надежды на быстрое возвращение домой, могут постепенно потерять свою национальную идентичность. Спасением должно было стать создание семей с польскими женщинами, которых убеждали добровольно отправляться в Сибирь и выходить замуж за ссыльных. Такое поведение женщин можно назвать патристическим.

В польских общинах в Сибири, несмотря на унижения, страдания и кандалы, ценилось этическое и благородное поведение, позволявшее ссыльным снижать уважение местного населения. Осужденные отличались также образованностью, по уровню интеллекта с ними могли сравниться лишь похожие на них русские ссыльные. Здесь, в чужой среде, они оставляли видимые следы своей деятельности. Ссылные

обучали коренное население, местные чиновники, купцы и офицеры ценили их как домашних учителей. Благодаря ссыльным в богатых домах распространялись элементы европейской культуры: музыка, танцы, французский язык, этикет, новый тип отношения к женщинам.

В общении с ссыльными изменялись традиционные обычаи в повседневной жизни сибиряков. Уже в первой половине XIX в. сосланные в Сибирь польские заключенные из наполеоновской армии подготовили и провели первый публичный концерт в Кяхте, а в известном оркестре в Омске играли музыканты из IV полка линейной пехоты Конгрессового Царства (четверка): Волицкий, Козьяркевич, Головчинский, Хойнацкий, Жлобский, Добровольский. Последний был также талантливым композитором.

В мемуарах вспоминаются имена известных врачей – таких, как Ф. Щокальский, М. Ловицкий, Врублевский, а также многих талантливых художников. Ссылного Л. Немировского Сибирский отдел Русского географического общества принял на должность чертежника. В этом качестве он отправился в научную экспедицию на Камчатку, результатом которой стал альбом, изданный в 1855 г. в Петербурге¹.

Сибирь не только пугала, но и притягивала возможностями экономической деятельности, особенно в период русификации и нарастания преследований в Царстве Польском. Наиболее устойчивые и готовые к конкуренции ссыльные добились успеха в Сибири и остались там после окончания срока принудительного поселения или вернулись в Сибирь после короткого пребывания на родине. Во второй половине XIX в. некоторые поляки принимали решение о добровольной поездке в Россию, в том числе в Сибирь, которая описывалась как край с неограниченными возможностями для предпринимательства. Парадоксально, но именно в Сибири царская система не дискриминировала поляков в этой сфере деятельности, даже, наоборот, поддерживала каждое проявление деловой инициативы. Только в 80-х гг. XIX в. несколько тысяч поляков впервые оказались в Сибири исключительно по собственному желанию! На решение выехать могли повлиять воспоминания сосланных соотечественников. Кроме описаний жестоких преследований, нечеловеческих условий, в которых им пришлось нести наказание, говорилось о процветающих в Сибири польских мастерских (портных, сапожников, плотников, слесарей, скорняков), об аптеках, фотографических салонах, часовщиках и торговых компаниях, о возможностях конкуренции в экономике. Быстрый рост промышленности в Царстве Польском привел в то время к банкротству небольшие компании и рабочие мастерские, но Сибирь была на другой стадии развития и таких процессов не переживала. Некоторые ссыльные создавали семьи, воспитывали детей, другие не могли найти себя после возвращения на родину, особенно тогда, когда дома их никто не ждал.

¹ Переиздан в 2011 г. в Иркутске (прим. ред.).

Молодой человек двадцати с небольшим лет, воспитанный в патриотической атмосфере, посвятивший свою жизнь борьбе за национальное освобождение, возвращался часто сорокалетним мужчиной в совершенно другую, измененную среду, в которой преобладала борьба за существование, а достойной работы не находилось. Хорошо известная им Сибирь казалась более подходящей для жизни: к ней уже привыкли. Оказывалось, что этот суровый, недоброжелательный для ссыльных край при более близком знакомстве манил к добровольному выбору его как места жительства, здесь можно было добиваться успехов образованным людям, особенно предприимчивым.

Воспоминания ссыльных отличаются ярко выраженной субъективностью. Большинство авторов писали их с чувством боли, царский режим ассоциировался у них со всей государственной системой, с Россией и даже россиянами. Заключение сосредоточивалось на своих чувствах, личном опыте и распространяли свои заметки среди сотоварищей по несчастью.

Не вызывает сомнений, что в воспоминаниях осужденных окружающая среда представлена согласно сложившемуся крайне негативному стереотипу [3, с. 123]. Лишь немногие авторы, руководствуясь стремлением изучать мир – даже таким нетипичным способом, сохраняют объективность как в своих наблюдениях, так и в оценках. Не следует забывать, что мемуаристы (как и все ссыльные) до того, как прибыли в Сибирь, испытали много страданий и унижений со стороны представителей властей, которых отождествляли со всеми русскими. Только в глубине России они столкнулись с другими народами, которые в плане культуры были для них настолько различными, что вызывали тревогу. Люди, вырванные из центра Европы, помимо того, что уже привыкли к царскому деспотизму, не были готовы налаживать отношения с бурятами, тунгусами или остяками. Только при близком знакомстве эти народы вызывали у них любопытство и симпатию, но для этого требовалось войти в контакт с «чужими», чего не в состоянии были сделать многие ссыльные. Некоторые воздвигали вокруг себя «оборонительную стену», страшась всего «чужого». Сибирский опыт не всегда способствовал разрушению этой стены, особенно это проявилось в мемуарах ссыльных, описавших варварское убийство бурятами участников восстания на Байкале в 1866 г.

В своих воспоминаниях ссыльные много места посвящают царской администрации различного уровня, особенно конвоирам во время пребывания на каторге. Тяжкие воспоминания остались у осужденных от непосредственных контактов с надзирателями во время отбывания каторжных работ на золотых рудниках, соляных шахтах, при плавлении железной руды. Меньше всего претензий адресовано должностным лицам высокого ранга, таким, как губернаторы, которые иногда даже получали признание каторжан. Например, А. Деспот-Зенович, поляк по рождению, в молодости высланный в Сибирь, спустя много лет приветствовал соотечественников на их родном языке, но уже в

качестве царского чиновника. Мемуаристы вспоминают, что у него была привычка лично посещать каждую новую партию ссыльных, поддерживать их дух и напоминать, чтобы они не забывали о своем национальном происхождении. Эти слова должны были казаться странными в устах человека, полностью «продавшегося» царизму, но, без сомнения, они утешали ссыльных и вызвали уважение к губернатору. Такое поведение обычно не встречалось на более низком уровне администрации, где преобладала нехватка культуры и восприимчивость к призывам националистической ненависти к полякам. Это последнее ссыльные наиболее остро ощущали в Москве, здесь на улицах их поносили, на них плевали, им угрожали.

Совершенно другим было поведение жителей Сибири по отношению к приезжающим ссыльным. К ним не относились враждебно, скорее нейтрально, о чем мемуаристы писали с некоторым преувеличением, считая, что заключенных встречали с добротой и состраданием. Последнее утверждение могло быть правдой в крупных городах, где, возможно, помнили предыдущие волны польского принудительного поселения. Сосланные за Январское восстание были разбросаны по деревням, где они страдали от страшной нужды, поскольку пособия в размере 2–6 руб. не хватало, чтобы выжить, а большинству из них (особенно интеллигенции) строго запрещалось работать по своей профессии. Они также не могли давать частные уроки или обучать иностранным языкам. Простые рабочие находились в лучшем положении, поскольку им никто не запрещал открывать мастерские. Поток большого числа ссыльных, бедность, драматическая борьба за выживание формировали отношение жителей небольших поселений и сибирских деревень к полякам. Влияла и пропаганда местных чиновников, которые обвиняли их в людоедстве, святотатстве и убийствах. В результате поляков подозревали в поджоге, в осквернении православных крестов, обвиняли в случайных несчастьях в семье [1, с. 132–133]. Плохо образованное, живущее в изоляции местное население не понимало новичков, боялось их как «чужаков» и поэтому было восприимчиво к такого рода пропаганде. Перед поляками закрывали двери, не хотели сдавать им квартиры, даже выгоняли из некоторых деревень. В Царстве Польском считали, что евреи убивают христианских детей, а в Сибири бытовало мнение, что поляки сжигают деревни, отравляют воду и убивают невинных женщин и детей. Непонимание и страх вызывали похожие реакции.

Ситуация начинает улучшаться с конца 1860-х гг., когда согласно царским указам большинство поляков покинуло Сибирь. Остались те, кому удалось успешно открыть свои собственные мастерские или торговое дело, небольшие заводы. В городах, даже крупных, первые рестораны и гостиницы открывали поляки, выездная торговля позволяла им достигать самых отдаленных населенных пунктов. Ссыльные были исключительно подвижными и активными и выделялись среди местного сообщества. Во второй половине XIX в. их предпри-

нимательская деятельность имела огромное значение в процессе модернизации Сибири. Поляки производили и продавали качественные и модные товары. Это способствовало тому, что в Иркутске, Красноярске, Тобольске и Томске все «польское» считалось модным. В 1880-х гг. поляки занимали важные посты в адвокатуре и медицине, на частных приисках, в офисах и банках. Менее образованные обрабатывали землю, выращивали еще неизвестные в Сибири овощи.

Прибывшие из далекой Польши спустя много лет слились с жизнью жителей Сибири. На новой земле ссыльные создавали семьи, здесь родилось новое поколение поляков. Подтверждались опасения о возможности денационализации, о которой много говорилось на страницах польской прессы. Это касалось, прежде всего, детей, выросших в смешанных семьях, особенно тех, кто свое будущее связывал с карьерой военного или чиновника, они в первую очередь покидали большие польские поселения в Сибири. После отбывания наказания в родные края возвращались те мужчины, которые заключили брак с польскими женщинами, потому что чаще всего жены решали вопрос о выборе места для дальнейшей жизни. Дети, родившиеся и выросшие в Сибири, особенно, если их отец занимал важное место, часто не пытались возвратиться на родину, которую знали только по рассказам. Они подчеркивали свое польское происхождение, привязанность к стране предков и гордились своими корнями, потому что в царские времена это положительно выделяло их среди сибирского сообщества. Польскую литературу и историю они часто знали лучше, чем их соотечественники на родине, они были финансово независимыми и пользовались уважением местных органов власти. Почему они должны были уезжать? Они также сохраняли веру, ведь католические храмы вросли в пейзаж Сибири с начала появления там больших скоплений польских ссыльных. Не существовало недостатка в священниках, так как преследуемая царской властью католическая церковь в Царстве Польском высылала за Урал сотни священнослужителей.

В записях мемуаристов можно заметить некоторый тон превосходства при характеристике людей, встречаемых в Сибири. Они не отказывают им в гостеприимстве и доброжелательности, но также приписывают им хамство, лень, отсутствие инициативы. На этом фоне мемуаристы подчеркивают даже незначительные экономические успехи польских «поселенцев», пишут, что они являются результатом превосходства европейской цивилизации; в некотором смысле это было неоспоримым фактом, но не возникло из «естественной предрасположенности», которая

приписывалась своему народу. Считали, что другие обычаи и взгляды хуже, и даже внешний вид должен был стать доказательством отсутствия интеллекта.

Сибирский пейзаж, с одной стороны, очаровывал мемуаристов, но, с другой стороны, пугало огромное пространство, своего рода дикость природы. В первые месяцы пребывания ссыльные замечали в этой «инаковости», прежде всего, те элементы, которые негативно влияли на их психику: монотонность, мрак, низкорослые деревья, отсутствие общественных сооружений (канализация, водоснабжение) даже в крупных городах. Со временем они начали воспринимать очарование природы, красоту крупных городов, особенно Тобольска и Иркутска, великолепие православного зодчества. Более объективными в своих оценках были те исследователи Сибири, которые имели возможность видеть ее большие пространства в разные времена года.

Сибирь стала частью жизни сотен тысяч людей, не все они оказались здесь по собственной воле. В XIX в. среди них были тысячи поляков, многие остались там навсегда, другие спустя много лет вернулись на родину, но за годы ссылки заплатили потерей здоровья и чаще всего разрушением личной жизни. В их сознании Сибирь осталась навсегда ужасным опытом царских репрессий, который многие описали в своих мемуарах. Ссыльные запечатлели в них воспоминания не только встречи с их мучителями, бездушными чиновниками, но также и с людьми, среди которых им пришлось провести часть своей жизни. Некоторые из них были очарованы природой Сибири, обычаями и культурой живущих там людей – представителей разных национальностей; часть осужденных никогда так и не приняла этой «инаковости», оставаясь закрытой в своем собственном, европейском мире. Для одних Сибирь осталась исключительно землей страдания и проклятия, для других – трудной для жизни, но красивой; для немногих – дружелюбной, сознательно выбранной ими в качестве второй отчизны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kaczyńska E.* Syberia w dziejach Polaków – Polacy w dziejach Syberii // *Zesłanie i katorga na Syberii w dziejach Polaków 1815–1914* / red. A. Brus, E. Kaczyńska, W. Śliwowska. Warszawa, 1992.
2. *Na nieznanie losy między Ołońcem a Jadrąniem: dwa pamiętniki z zesłania po powstaniu styczniowym* / oprac. A. Brus. Warszawa, 1999.
3. *Cybulski M.* Rosja i Rosjanie w pamiętnikach Polaków (1863–1918). Warszawa, 2009.

Статья поступила
в редакцию 28.03.2013